

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/GQSXXW>
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)4

БАТЫЙ ГОВОРЯЩИЙ: ДРЕВНЕРУССКИЕ ТЕКСТЫ VS ЗАПАДНЫЕ И ВОСТОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

© 2026 г. Е.А. Андреева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 10 декабря 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 17 января 2026 г.

Дата публикации: 25 марта 2026 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-1-50-69>

Аннотация: В статье прослеживается своеобразие фиксации прямых речей Батыя, воспринимавшегося главным пленителем Руси, врагом, в средневековой традиции: в древнерусских житийных, летописных, компилятивных памятниках. В ходе анализа устанавливается, что прямая речь данного персонажа — скорее редкость, а потому, если она появляется в тексте, то строится, как правило, по одной схеме — с использованием вопросительных предложений (не требующих ответа собеседника или ответ на которые очевиден) и императивов (призывов и приказов). Целью введения прямой речи в большей степени является представление в героическом свете оппонентов говорящего — древнерусских князей и воинов. В средневековой западной и восточной традициях описания ордынцев, при условии что авторы в целом проявляли интерес к ордынцам как народу, ситуация та же. Очевидно, что средневековые авторы не ставили перед собой задачу воспроизвести речь завоевателя, передать ее дословно, в результате чего образовалась лакуна, которую впоследствии стали заполнять фольклорные источники и художественные произведения более поздних эпох, представляющие Батыя как легендарного персонажа.

Ключевые слова: прямая речь, диалог, Батый, житие, летопись, вопросительные предложения, императивы

Информация об авторе: Екатерина Александровна Андреева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. <https://orcid.org/0000-0002-8829-3084>
E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

Для цитирования: Андреева Е.А. Батый говорящий: древнерусские тексты vs западные и восточные источники // Studia Litterarum. 2026. Т. II, № 1. С. 50–69.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-1-50-69>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 1, 2026

BATU SPEAKING: OLD RUSSIAN TEXTS VS WESTERN AND EASTERN SOURCES

© 2026. Ekaterina A. Andreeva

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Received: December 10, 2025

Approved after reviewing: January 17, 2026

Date of publication: March 25, 2026

Abstract: The article examines the peculiarities of recording Batu Khan's direct speeches, which were perceived as the main captors of Russia and its enemy, in the medieval tradition: in Old Russian hagiographic, chronicle, and compilation texts. The analysis reveals that direct speech by this character is rather rare, and when it appears in the text, it is usually structured according to a single pattern: using interrogative sentences (which do not require a response or are obvious) and imperatives (commands and orders). The purpose of introducing direct speech is to present the speaker's opponents, the Old Russian princes and warriors, in a heroic light. In the medieval Western and Eastern traditions of describing the Horde, where the authors generally showed interest in the Horde as a people, the situation is similar. It is evident that the medieval authors did not aim to reproduce the conqueror's speech or convey it verbatim. As a result, a lacuna was formed, which was later filled by folklore sources and literary works from later eras that presented Batu as a legendary character.

Keywords: direct speech, dialogue, Batu, hagiography, chronicle, interrogative sentences, imperatives

Information about the author: Ekaterina A. Andreeva, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
<https://orcid.org/0000-0002-8829-3084>

E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

For citation: Andreeva, E.A. "Batu Speaking: Old Russian Texts vs Western and Eastern Sources." *Studia Litterarum*, vol. 11, no. 1, 2026, pp. 50–69. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-1-50-69>

Прямая речь (*oratio recta*), как известно, «языковая структура, служащая дословной передаче чьего-либо высказывания», она «сохраняет характерные черты индивидуального стиля и четко обособлена в наррации (повествовании)» [6, с. 155]. Как писал М.М. Бахтин, прямая речь героев «имеет непосредственное предметное значение, однако не лежит в одной плоскости с авторской, а как бы в некотором перспективном удалении от нее. Она не только понимается с точки зрения своего предмета, но сама является предметом интенции как характерное, типичное, колоритное слово» [2, с. 85]. Дошедшие до нас в древнерусских памятниках прямые речи врага, Батыя, — это, конечно, не слова реального исторического лица. А потому они не имеют большой исторической значимости, но представляют собой ценность художественную; это поздние вкрапления, которые использовали древнерусские книжники, преследуя свои конкретные цели. Образ врага как таковой мало интересовал современников, но тем не менее в житиях и летописных текстах мы можем встретить, хоть и крайне редко, «говорящего» Батыя. Получается, что древнерусский книжник фактически вкладывает свою интенцию (намерение), свой посыл, свою мысль в уста врага. Так в одном слове, в одной речи оказываются две интенции: собственно авторская, отражающая его литературный/художественный и/или идейный замысел, и героя произведения, который для чего-то произносит речь, что-то хочет выразить. Прямая речь должна характеризовать героя, который ее произносит, но происходит ли это в случае с Батыем? Для чего древнерусские книжники «вкладывают» в его уста слова, какую цель они преследуют, если изначально перед ними не было и не могло стоять задачи раскрыть внутренний мир врага? Попробуем разобраться.

Заранее оговоримся, что для анализа мы привлекаем широко известные и опубликованные тексты, не рассматривая редакции и рукописные варианты памятников. В поле нашего зрения на данном этапе попадают житийные тексты («Житие Александра Невского» и «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора»), «Повесть о разорении Рязани Батыем», эпизоды Галицко-Волынской летописи и «Волоколамского патерики».

В «Житии Александра Невского» содержатся две прямые речи Батыя. В первой персонаж, охарактеризованный автором как «царь силенъ на Вѣсточнѣй странѣ, иже бѣ ему Богъ покорилъ языки многы, от вѣстока даже и до запада» [9], услышав о князе Александре, который назван славным и храбрым, отправляет к нему послов с такими словами: «Александре, вѣси ли, яко Богъ покори ми многы языки? Ты ли единъ не хочещи покорити ми ся? Но аще хочещи съблудити землю свою, то приеди скоро къ мнѣ и видиши честь царства моего» [9]. Вторая речь произносится после состоявшейся встречи, но оговоримся, что она обращена снова к «вельможам», а не напрямую к Александру Невскому: «Истинну ми скажете, яко нѣсть подобна сему князя» [9]. Не менее важной является прямая авторская характеристика врага, приведенная перед его словами: древнерусский книжник повторяет известную мысль о том, что захват Русской земли — не воля Батыя, человека, но Божья кара, что дело не в силе правителя и войска, но в Божьем попущении. Эта авторская мысль находит отражение и в словах врага, который так и говорит, что Бог покорил ему многие народы. А раз герой представлен осознающим это так, то у него возникает вопрос: знает ли об этом русский князь, будучи православным, покорный Божьей воле? И следующий за этим еще один вопрос буквально звучит так: единственный ли он князь, кто не хочет покориться, т. е. признать силу и величие захватчика. Важно, что Батый начинает свою речь с двух вопросов, которые нельзя назвать в прямом смысле риторическими, но ответ на них очевиден, заранее понятен, и потому он не нужен, так как, безусловно, Александр Невский знал о ситуации в родном государстве — это касается первого вопроса, что же касается второго — то сам Батый тут же на него «отвечает», предлагая вариант действия: приехать и убедиться в силе правителя, с важной оговоркой-альтернативой: если хочешь «соблудити землю свою», т. е., если развернуть данную мысль, если князь не приедет, это грозит разорением его

княжества. Два вопроса и приглашение, включающее в себя угрозу, — вот составляющие первой речи хана: в них большая эмоциональная палитра (и укор, и призыв, и недоумение, и желание подтвердить свою значимость). При этом речь Батыя нельзя рассматривать только как повеление, строгий императив; за счет удлинения в виде вопросов и рассуждений она приобретает отчасти уважительные интонации, подчеркивает важность Александра Невского для Батыя, показывает почтение захватчика к противнику. Что же касается второй речи, то это утверждение (а не вопрос) и подтверждение прежних мыслей: согласие с мнением «говорящих» и похвала русскому князю, признание его достоинств. Очевидно, что в прямых речах Батый предстает не грозным владыкой, который повелевает, он спрашивает, просит, ставит условия и, как результат, восхищается русским князем и восхваляет его. Цель их — не охарактеризовать Батыя (хотя и это возможно сделать, так как речь эмоциональна), но представить русского князя глазами сильного врага, который признает его авторитет. Отметим, что Батый и Александр Невский не представлены общающимися напрямую, они не ведут диалог: все слова передаются вельможам, используются посредники, т. е. эти речи можно считать монологом Батыя.

Так же обстоит дело и в другом житийном тексте, повествующем о гибели в Орде Михаила Черниговского. Здесь появляются послы/волхвы-трансляторы, сообщающие, что «князь великий русский Михаилъ приехалъ поклонится тобѣ» (т. е. Батыю). «Цесарь же повелѣ призвати волхвы своя. Волхвом же пришедшимъ предъ онъ, глагола имъ цесарь: “Еже есть по обычаю вашему створите Михаилу князю, потомъ приведѣте его предъ мя”. Онѣмъ же шедшемъ к Михаилу и глаголаше ему: “Батый зоветъ тя» [13]. Обратим внимание на то, что Батый обращается не напрямую к князю, волхвы передают его речь не дословно, это и понятно, так как хан просит волхвов совершить их обычаи и привести к себе князя, они же сообщают русскому князю, что хан его призывает к себе. В своей речи Батый говорит об «обычае вашем», словно исключая себя из круга тех, кто хранит эти обычаи, передоверяя полностью ответственность за их исполнение. После прямой речи Батыя (и волхвов соответственно) следует защитительная речь Михаила Черниговского, являющаяся элементом топоса «прения о вере», т. е. слова врага фактически являются отправной точкой для выбора пути мученичества. На этом псевдиалог не заканчивается, так как волхвы

пересказывают Батыю сначала действия Михаила Черниговского, а потом фактически дословно передают элемент его «защитительной речи»: «Михаилъ повелѣния твоего, цесарю, не слушаетъ, сквозѣ огонь не идетъ, а богомъ твоимъ не кланяется, глаголетъ — недостойтъ христьяномъ ходити сквозѣ огонь, ни покланятися твари, солнца и идоламъ, но токмо кланятися створшему вся си, Отцю и Сыну и святому Духу» [13] (так подчеркивается важность этих слов). На этот раз, очевидно уже разозленный, Батый отправляет одного посла — вельможу Елдегу, требуя передать: «Почто повелѣние мое преобидѣлъ еси — богомъ моимъ не поклонился еси? Но отселе едино от двою избери собѣ: или богомъ моимъ поклонишися и живѣ будеши и княжение приимеши, аще ли не поклонишися богомъ, то злою смертию умреши» [13]. Речь снова начинается с вопроса (как и в «Житии Александра Невского»), ответ на который русский князь уже дал ранее, объяснив причины своего поведения принадлежностью к православной вере. Батый в прямой речи использует глагол «преобидел», служащий для раскрытия его состояния и настроения, своим поступком русский князь очень обидел хана. Обращает на себя внимание трехкратный повтор слова «богам», лексемы, антонимичной слову «Бог» в устах Михаила Черниговского, — так словесная конфронтация перерастает в противостояние вер. Батый предлагает альтернативу, четко обозначая, что ждет русского князя при совершении конкретного выбора. При этом читателю абсолютно очевидно, что это мнимая альтернатива, существующая только в воображении (и в словах) Батыя, так как сказанное ранее Михаилом Черниговским дает возможность понять, что у князя нет шанса спастись: отсутствие выбора при выдвинутой альтернативе должно показать упорство и силу духа русского князя, его бескомпромиссность. Все, что совершается далее, происходит фактически без прямого участия Батыя, но после его слов; других прямых речей врага в тексте нет. Как видим, речь Батыя — это отправная точка, возможность для будущего святого ответить, вступить в своеобразную полемику, повод для «защитительной» речи, хотя нельзя сказать о том, что она никак не характеризует хана: в ней проявляются его эмоции.

Прямым речам Батыя (ведущего себя предельно экспрессивно) в «Повести о разорении Рязани...» посвящена была отдельная статья [1], а потому не будем останавливаться на них подробно, просто очертим основные моменты. Батый произносит всего три речи. Первая из них обращена

к князю Федору и представляет собой повеление сильного, императив — требование привести к себе жену князя. В ней нет обращения к князю, она предельно краткая, Батый говорит по существу. Его цель — получить ответ, а цель древнерусского автора — дать возможность князю, обреченному на гибель, произнести «защитительную» (речь снова о защите веры) речь. Вторая прямая речь обращена к израненным воинам из полка Евпатия Коловрата. Начинается она с двух вопросов: «Коя вѣры есте вы и коя земля? И что мнѣ много зло творите?» [11] — что тоже можно считать типичной в древнерусских текстах конструкцией для речей врага. Первый вопрос — это вопрос о вере, т. е. конфессиональной принадлежности противника, а второй связан с авторитетом спрашивающего в глазах русских воинов, в нем выражаются самодовольство и высокомерие, полная уверенность в своих силах и превосходстве над врагом. При этом Батый оказывается не очень дальновидным и не понимает ответа оппонентов, использующих в речи, облеченной в форму вежливого ответа, иносказание («Посланы от князя Ингваря Ингореви́ча Резанского тебя, силна царя, почтити, и честь тобѣ воздати. Да не подиви, царю, не успевати наливати чаш на великую силу — рать татарскую» [11]). Образ «чаши» был понят захватчиком неверно: речь шла не о заздравной, наполненной для встречи чаше, но о чаше смертной. Последняя речь Батыя — монолог, фактически плач и одновременно похвала в адрес побежденного, убитого (что важно) врага. В ней есть и обращение к убитому воину, и признание его силы, и выражение восхищения перед ним. Такое отношение Батыя к Евпатию должно показать силу русского войска, признаваемую даже захватчиком. Получается, что все три речи, характеризующие врага как крайне эмоционального, не понимающего русских обычаев человека, в первую очередь нужны для создания образов русских князей и воинов, и уже во вторую очередь вносят некоторые элементы в портрет врага, т. е. становятся автохарактеристикой.

Батый вступает в диалог с еще одним древнерусским князем, Даниилом Галицким, что находит отражение в погодной записи за 1250 (6758) г. в Галицко-Волынской летописи. Здесь уже не будет посредников, Батый напрямую обращается к приехавшему в ставку князю: «Данило! Чему еси давно не пришелъ, а нынѣ иже еси пришелъ, а то добро же, піеши ли черное¹

1 А.Ю. Карпов пишет, что речь идет о «черном кумысе», питье высшей монгольской знати, которое нечасто предлагали чужеземцам. «Этот кумыс назывался “чёрным” по той причине,

молоко, наше питіе, кобылѣй кумузь?» [8, с. 119]. Начинается речь с обращения по имени (чего в ранее рассмотренных памятниках не встречалось), а продолжается типичным вопросом: почему не пришел раньше, а пришел теперь, т. е. почему не признал превосходство Батыя сразу, а выжидал, чтобы выразить свое почтение, и следующий за ним вопрос — о соблюдении традиций и обычаев Орды. И если Михаил Черниговский на подобный вопрос ответил речью об истинной вере и о торжестве православия, то Даниил Галицкий действует иначе, выбирает иной путь — не мученичества за веру. Более того, конструкция из нескольких вопросов, как правило, вызывает «эффект края», когда слушающий лучше всего запоминает либо первый, либо — чаще — последний вопрос и отвечает на него, в том числе это может происходить умышленно. Даниил Галицкий избегает рассуждений о своем позднем приезде и говорит только о кумысе: «Доселѣ есмь не пилъ, но же ты велишь, пію» [8, с. 119]. На такой «хитрый» ответ русского князя, подтверждающий его лояльность и расположение, а точнее подчинение ордынской власти в лице Батыя, враг заявляет: «Ты уж нашъ же татаринъ: пій наше питіе» [8, с. 119]. В этом отрывке привлекает внимание обилие грамматических форм с корнем пить: от вопросительного «пьешь ли», до утверждения («не пил, но выпью»), до императива «пей».

Автор жизнеописания Батыя в серии ЖЗЛ А.Ю. Карпов так подробно трактует этот эпизод:

Слова Батыя (звучавшие, конечно же, через переводчика) на редкость весомы, наполнены смыслом, который должен был угадывать Даниил. В первой фразе можно расслышать осуждение, даже угрозу. Но угроза эта лишь обозначена, она скрыта общим благодушным, покровительственным тоном, который сквозит во всём строе речи. Самим фактом своего приезда, исполнением положенных обрядов Даниил уже поставил себя в положение «улуслика» и «служебника» татарского «царя», занял вполне определённое, по-своему даже почётное место в ордынской иерархии, и Батый даёт понять

что он был совершенно прозрачен, “а значит, кажется чёрным, как дно и стенки сосуда”. Прозрачный цвет и сладкий вкус достигались благодаря тому, что кумыс взбалтывали в течение длительного времени — не менее семи-восьми дней, нанося по кожаному бурдюку особым пестом иногда до десяти тысяч ударов, “и чем сильнее колотят, тем более чистым становится кумыс, а когда кумыс становится прозрачным, то запах его перестаёт быть вонючим” [4, с. 206].

это. Но в его словах нельзя не уловить и очевидной насмешки. В таком тоне монгольские правители и разговаривали обычно с покорившимися им князьями [4, с. 205].

Автор вполне допускает, что данные слова принадлежали Батыю как историческому лицу, но были переданы через переводчика, т. е. рассматривает их не как элемент поэтики, художественную деталь, но как реальность, историческую достоверность. Зная, что по такому образцу построена другая речь Батия, вложенная в его уста древнерусским книжником, сложно сказать об их исторической точности, однако на основании краткости и повторяемости лексем можно это предполагать. Что же касается насмешки, то вопрос о том, почему не приехал раньше, но явился сейчас, вряд ли похож на нее, это способ проверки «лояльности» к ханской власти, подобный вопрос Батий задавал и Александру Невскому.

Питье кумыса, по мнению Карпова, было весьма специфическим оказанием «честь», так как для православных осознавалось грехом, это действие могло рассматриваться как унижение. Из уст Батия это должно было показать его расположение к князю, готовность оказать «милость» и «почтить» при условии, что князь согласится выпить кумыс.

Комментируя слова Батия в ответ на готовность пить кумыс, Карпов пишет:

«Ты уже наш, татарин!» — в этих словах одновременно звучат и похвала в адрес русского князя, и неприкрытая насмешка над ним. Уязвленное же самолюбие, попранные религиозные чувства — всё это Батия, по-видимому, совершенно не интересовало. А может быть, наоборот, он получал удовольствие, видя нравственные мучения своих собеседников. Но, с другой стороны, он ведь действительно оказал честь Даниилу. Более того, посылка им чары с вином — это и явный знак благоволения, и в общем-то проявление искреннего добродушия, даже заботы о князе, не привыкшем к татарским обычаям, — еще не до конца «татарине»! [4, с. 208]

Но у фразы «ты уже наш, татарин», как было сказано ранее, есть продолжение — повеление пить, а потому между первой и второй частью предложения очевидна причинно-следственная связь: раз ты наш, такой,

как мы, «татарин», то пей наше питье.

На этом подтверждения лояльности не заканчиваются, так как князь уже по собственной инициативе сообщает, что готов не только пить кумыс, но и кланяться «великой княгини Баракъчинови» [8, с. 119] (по одной из версий, старшей жене Угедая, которая спасалась у Батыя от второй жены хана, захватившей власть в свои руки; по мнению А.Ю. Карпова, жене самого Батыя), и здесь он снова прямо и косвенно признает авторитет хана. Реакция Батыя — предельно краткое и емкое «иди» (снова императив) — осознание, что этому князю можно повелевать. Даниил Галицкий действует строго по «инструкции» врага, а потому пространный диалог не нужен, прямые речи Батыя должны подчеркнуть высокий статус повелевающего и одобряющего угодные ему действия. Видя исполнение всех своих требований (и даже сверх нормы), Батый «присла вина чюмъ и рече: “Не обыкли пити молока, пій вино”» [8, с. 119], в этой речи он словно бы спорит сам с собой, ведь раньше Батый признавал Даниила Галицкого за своего, «татари-на», а теперь, после того как тот выпил кумыс и кланялся ханше, исключает его из этого круга — «пей вино». И снова употребляются два однокоренных глагола: «пить» и «пей» — утверждение и императив, получается, что «пить вино» русский князь тоже должен по указанию хана и по его, а не своей, воле. Батый в этом отрывке ведет себя как хозяин положения, и его речи это подчеркивают.

Д.С. Лихачев считал, что «литературные функции прямой речи, употребленной <...> для оживления действия, для характеристики действующего лица, для раскрытия его намерений и т. п., были неизвестны летописцам до конца XV в. Вернее, летописцы чуждались такого использования прямой речи», не желая вносить «элементы вымысла» в повествование. Если прямая речь появляется в летописи, то, по словам исследователя, она важна «по своему историческому содержанию» [3, с. 55]. Галицко-Волынская летопись — довольно ранняя, была создана в XIII в. и дошла до нас в составе Ипатьевской летописи XV в., считается ценным историческим источником, рассказывающим о Южной Руси. Центральным персонажем повествования являлся Даниил Галицкий, составитель стремился воссоздать его образ, «одновременно эпический и романтический», князь «осенен ореолом народного героя, защитника отечества, победителя многочисленных врагов; и в то же время это мудрый дипломат, человек, не лишенный эстетических

интересов, всегда стремящийся не только укрепить, но и украсить свою родную страну» [5]. В рассмотренном диалоге поведение Даниила Галицкого продолжает линию, выбранную такими князьями, как Александр Невский, — это путь беспрекословного подчинения татарам, сотрудничества с ними, иной, нежели то, что выбрал Михаил Черниговский и следующие за ним князья, замученные в Орде, — путь отрицания, нежелания «кланяться», принимать и смиряться².

Насколько можно считать прямую речь Батыя в Галицко-Волынской летописи исторически точной, произнесенной реальным человеком? Ответить на данный вопрос однозначно невозможно, но в восприятии составителя и тех, кто читал летопись, она могла оцениваться как реальные слова, тем более что она довольно кратка и похожа на устный перевод. Если следовать классификации авторов труда «Истоки русской беллетристики», летописные прямые речи делятся на три группы: 1) документальные (значительные по содержанию, существенные для понимания конкретных исторических событий, образов князей); 2) иллюстративные (не служат характеристике персонажей, не вносят дополнительных штрихов в описание, а лишь «оживляют» события); 3) сюжетные (нужны для передачи частных бесед, внутренней речи персонажа, являются средством его характеристики, такие речи эмоциональны и психологичны, потому и являются важной частью сюжета) [3, с. 55–57]. Диалог Батыя и Даниила Галицкого в таком случае — это, конечно, речь документальная, которую летописец стремится зафиксировать и передать как имевшую место в ставке хана. В отличие от речей, помещенных в жития, которые служат в большей степени религиозно-нравственным целям, прославлению святого, речь в Галицко-Волынской летописи стремится воссоздать реальный облик исторических личностей, показать особенности их взаимодействия.

Прямая речь Батыя появляется и в «Волоколамском патерике», когда автор, желая объяснить сохранность Новгорода, рассказывает о чудесном явлении архангела Михаила «безбожному агарянскому царю» Батыю, который до того уже «Российскую землю попленил и пожже» [7, с. 82]. Архангел явился врагу, когда тот приближался к городу, и запретил идти на

2 При Батые в ставке хана были казнены, кроме Михаила Черниговского, Андрей Мстиславич и Мстислав Рыльский (но точно неизвестно, в Орде это произошло или на Руси), других кровавых расправ не было, они возобновились при других ханах.

Новгород. Очевидно, что иноверец Батый понятия не имел о том, кто оказался перед ним и говорил с ним, удивительно и то, почему слова незнакомца могли остановить завоевателя. На этом легенда не завершается, но имеет логическое продолжение: повернув в обратную сторону, Батый оказался в Киеве и «видѣ у каменья церкви надъ дверьми написанъ великий Михаилъ-архаангелъ, и глагола княземъ своимъ, показуя перъстомъ: “Сей ми възбрани поити на Великий Новъгородъ”» [7, с. 82]. Так хан признается перед приближенными, что послушался запрета, т. е. отступил от русского города не по своей воле, но по воле неведомой силы, которой подчинился, т. е. пересказывает явленное ему (врагу) чудо. В данном эпизоде в облике Батыя нет ни гордости, ни желания показать свою силу и величие, но лишь удивление и отчасти смирение: эта речь фактически признание силы православия, ведь даже он вынужден был послушаться приказа незнакомой силы, архангела Михаила, изображение которого увидел и узнал в соборе. Поэтому появление этих слов в патерике не случайно, но согласуется с целями составителя.

Видим, что прямые речи Батыя, т. е. слова, приведенные в виде цитаты, в древнерусских источниках встречаются редко. Книжники, как правило, передавали его действия и решения в косвенной речи или в форме эмоционального повествования, так как Батый всегда получал крайне отрицательную оценку как захватчик и иноверец; его имя всегда сопровождает привычный список отрицательных этноконфессиональных определений. Во вложенных древнерусскими авторами в уста врага прямых речах есть несколько важных, повторяющихся моментов: часто речь начинается с вопроса, фактически не требующего ответа, ответ на который является очевидным, в речи Батыя большое место занимают призывы и приказы, что облекается в форму императивов, в предложениях хана наличествует альтернатива, которая не может рассматриваться как таковая для героя, уже принявшего решение действовать тем или иным способом.

В подборе подобных речей проявлялось отношение древнерусского книжника к врагу, его восприятие, желание осмыслить пленение в духе «Божьей кары», но без интереса к представителям «чуждого» мира. Впоследствии биполярное противостояние религий оказало влияние на формирование образа захватчика, было призвано подчеркнуть достоинства своего посредством отрицания положительных (и человеческих) качеств у

другого/чужого. А потому Батый, даже произносящий «хвалебные» речи, не получает никаких обеляющих черт к характеристике, так и оставаясь главным пленителем и мучителем Руси.

Чтобы понять, уникальна ли древнерусская традиция в воссоздании речей захватчика, обратимся к западным и восточным источникам, в которых речь шла о «монголах» и Орде. Западные авторы, итальянский францисканец Иоанн де Плано Карпини («История Монгалов, именуемых нами Татарами») и фламандский монах-францисканец Гильом де Рубрук («Путешествие в восточные страны») фиксируют в своих трудах только по одной прямой речи Батыя, хотя каждый из них имел возможность видеть Батыя своими глазами и говорить с ним (Плано Карпини — 4 апреля 1246 г., Гильом де Рубрук — в 1252 г.). При этом оба предпочли передать услышанное в виде косвенной речи или своих непосредственных наблюдений и умозаключений.

Плано Карпини фиксирует прямую речь Батыя перед воинами, которые были поражены страхом и хотели бежать с поля боя; для того чтобы их ободрить и вернуть, ордынец, «обнажив меч пред лицом их», произносит такую речь: «Не бегите, так как если вы побежите, то никто не ускользнет, и если мы должны умереть, то лучше умрем все, так как сбудется то, что предсказал Чингизхан, что мы должны быть убиты; и если теперь пришло время для этого, то лучше потерпим» [10, с. 51]. В результате войны «воодушевились, остались и разорили Венгрию» [10, с. 51]. Данные слова весьма странно было бы слышать из уст реального, а не литературного Батыя, войско которого и в древнерусских, и в западных источниках сравнивалось с «саранчой», молниеносно и неотступно движущейся к достижению цели. Здесь же большую часть речи занимают рассуждения Батыя о смерти, о некоем пророчестве Чингизхана. Начинается обращение к войску с императива с сопутствующим отрицанием («не бегите», значит, воины разбегались), далее следует пространное пояснение, почему «бежать» не стоит. Доводы при этом весьма нелогичные: если побегут — никто не ускользнет, но лучше остаться и умереть всем, ибо так было сказано Чингизханом, т. е. при отступлении шансов на спасение нет, а при наступлении хоть и минимальные, но появляются. Удивительно в этой речи нагнетание лексем со значением «гибели» («умереть», «умрем», «убиты») и итоговый призыв — Батый призывает не идти в бой, не отбросить страх, но потерпеть, действие в принци-

пе не свойственное ордынцам (в древнерусских источниках). Кажется, что в обращении Батыя к войску нет ничего ободряющего, но лишь предрекающее гибель, не случайно считается, что подобные слова немыслимы для предводителя ордынцев, в них заключена мысль европейцев о свержении «ига», искуплении «Божьей кары» за грехи³.

Удивительно, но другой автор, далматинский хронист, архидиакон Фома Сплитский в «Истории архиепископов Салоны и Сплита» приводит совсем иную прямую речь Батыя, обращенную к войску накануне сражения: «Тогда Бат, старший предводитель татарского войска, взобравшись на холм, внимательно осмотрел расположение войска венгров и, вернувшись к своим, сказал: “Друзья, мы не должны терять бодрости духа: пусть этих людей великое множество, но они не смогут вырваться из наших рук, поскольку ими управляют беспечно и бестолково. Я ведь видел, что они, как стадо без пастыря, заперты, словно в тесном загоне”» [14, с. 107].

В этой прямой речи есть обращение как к равным («друзья», что больше напоминает западную «рыцарскую» традицию, а не ордынскую), призыв, сформулированный через отрицание («не должны терять бодрости духа», т. е. должны быть бодрыми духом, решительными), развернутое пояснение этого призыва (через отрицательную характеристику врага). С точки зрения Батыя, венгры потерпят неминуемое поражение, так как они — «стадо без пастыря», запертое «в тесном загоне» (у них нет возможности бежать), а их предводители ничего не стоят, «управляют беспечно и бестолково». Что могут поделать овцы против полчищ саранчи? Только сдаться. Эта эмоциональная речь Батыя прямо противоположна той, которую «воссоздает» Плано Карпини, и, как видится, имеет так же мало общего с реальной прямой речью предводителя ордынцев.

Гильом де Рубрук в «Путешествии в восточные страны», рассказывая об аудиенции у Батыя, говоря о том, какое тот занимал положение, на каком троне сидел, давая даже некоторые портретные характеристики «хана» («Лицо Бату было тогда покрыто красноватыми пятнами» [10, с. 117]),

3 Как пишет А.Ю. Карпов, «вся эта сцена, выписанная в традициях рыцарской саги <...> совершенно не вяжется с обычаями монголов, для которых отступление — военный приём, заслуживающий одобрения, а отнюдь не порицания. Полное непонимание противника, логики его действий заставляло европейских хронистов зачастую описывать то, чего не было на самом деле. Так и здесь: действия Батыя получили истолкование, совершенно не соответствующее реальности» [4, с. 120].

один только раз приведет прямую речь последнего. Косвенная речь Батыя воссоздается с помощью глаголов — «приказал» (4 раза), «сделал знак», «спросил» (2 раза). Очевидно, что в речи ордынца преобладают вопросы и императивы, так как основное его действие — приказывать (то же самое есть и в рассмотренных нами древнерусских текстах). Один только раз автор передает речь Батыя, когда уже после приема просит не отправлять его одного к Менгу-хану, но отпустить с ним и его «товарищем» двух служителей, «так как если кому случится захворать, то другой не может оставаться одиноким» [10, с. 118]. И переданный ответ Батыя звучит снова как приказ: «Пусть отправляются два священника и толмач, а причетник пусть вернется к Сартаху» [10, с. 118] (что не вызвало радости автора, не желающего оставлять причетника). С одной стороны, ордынец соглашается на просьбу автора — проявляет милость, но с другой — диктует свою волю и свои условия (ситуация с причетником). Почему же из всех слов, услышанных им от переводчиков Батыя на аудиенции, автор зафиксировал, казалось бы, столь незначимые слова как прямую речь, переданную через посредников? В этих словах — психологический портрет Батыя, вольного поступать, не считаясь ни с чьими желаниями; и даже «уважая» оппонента, он оставляет последнее слово за собой. Именно эти слова характеризуют Батыя емко и исчерпывающе.

Что касается восточных источников, то и в них речь Батыя представлена крайне редко. В официальной истории Юаньской династии, охватывающей период от Чингизхана и до последнего императора Юань, «Юань-ши» содержатся сведения о Батые и о завоевании им некоторых древнерусских городов, однако его прямая речь приводится лишь единожды (в отличие от «Сборника летописей», составленного Рашид-ад-Дином, в котором Батый так и остается «неговорящим»: «Когда оба войска [ордынцы воевали с «буларами» (волжскими булгарами, иногда отождествляют с поляками) и «башгирдами» (венграми)] выстроились друг против друга, Бату, по обычаю Чингиз-хана, взошел на вершину одного холма и [целые] сутки смиренно зывал к богу и тяжело вздыхал, а мусульманам приказал молиться соборно» [12, с. 37]). Как видим, восточная традиция создания образа Батыя отказывается от «полководческих» речей перед битвой. Одна фраза, показывающая несогласованность действий ордынских полководцев, фактически являющая собой упрек не вернувшемуся, чтобы оказать

помощь, но действующему по собственной инициативе Субедею: «Во время дела на реке Хонин Субэтай опоздал помочь, погиб мой Бахадур» [15]. Эти слова Батый произносит, когда «все ваны соединились» [15], т. е. все представители монгольской знати снова оказались вместе: очевидно, что ордынец считает виновным в смерти своего племянника или по крайней мере несущим за нее ответственность Субедея, который «опоздал помочь», но при этом говорит об этом довольно мягко, прямо не обвиняя последнего в том, что тот действовал в своих интересах, не говоря, что оставил войско в трудный момент, но лишь «опоздал помочь», значит, все же собирался оказать помощь. Интересно, что после ответа Субедея, полностью снимающего с себя вину и ответственность, Батый тут же «уяснил [дело]» [15], и все стали возносить хвалу Субедею как прославившему ордынцев полководцу. Батый в данной речи выглядит отнюдь не грозным и страшным захватчиком, а лишь тем, кто вынужден смириться с личной потерей и признать авторитет более прославленного соратника.

Как видим из рассмотренных текстов, прямая речь Батыя, приведенная автором дословно, — это большая редкость, своего рода «экзотизм»; хронисты не стремились передать размышления, эмоциональные высказывания или речи, произнесенные во время аудиенций. Это, безусловно, объясняется в том числе и различием языков: тогда фиксировалась бы не речь Батыя, но слова переводчиков. Однако, очевидно, что, не имея установки передать речь современника, авторы, особенно западные, вполне могли «додумать» и «дописать» слова врага (это касается речей перед битвой): это литературно оформленные речи.

Древнерусские книжники и западные, восточные хронисты не ставили перед собой задачи запечатлеть прямую речь Батыя в своих произведениях, однако умело пользовались приемом введения в текст прямой речи героя, когда это было необходимо для развития сюжета, для того чтобы передать эмоциональность ситуации. При этом, в отличие от древнерусских книжников, западные и восточные авторы интересовались ордынцами как народом в целом и отдельными его представителями, особенно занимавшими высокое положение и участвовавшими в ключевых исторических событиях, в частности, внимательно и скрупулезно фиксировали традиции и обычаи чуждого народа, стараясь сохранить их для истории. Это и отличает труд исторический от историко-художественного, к каковому относятся

древнерусские жития, «Повесть о разорении Рязани Батыем» и «Волоколамский патерик», древнерусские книжники создавали литературное произведение, где Батый был однозначно отрицательным персонажем.

В заключение попробуем определить, почему же так мало прямых речей Батыя, считавшегося главным пленителем Руси, фигурирующего во множестве текстов (в первую очередь летописных), запечатлено в древнерусских памятниках. Прежде всего, он представлен как враг, отрицательный персонаж, представитель чуждого народа, описывать обычаи которого древнерусские книжники не стремились, ордынцы их не интересовали как феномен. Древнерусские книжники не ставили цели зафиксировать и передать эти речи. Во-вторых, очевидно, что реальный Батый говорил на незнакомом людям Древней Руси языке, а потому при любом непосредственном контакте с ним требовался переводчик, посредник, что затрудняло любые непосредственные контакты и не давало возможности зафиксировать прямую речь. Сыграла свою роль и временная отдаленность описываемых событий, Батый жил в XIII в., а мы имеем возможность изучать летописи и жития, написанные по большей части позднее. Можно также предположить, что и сам Батый при возможных контактах с князьями или воинами был не так уж красноречив, не произносил ярких, эмоциональных, неожиданных речей, которые можно было бы воспроизвести.

Так или иначе, относительно малое количество реальных прямых речей героя и большое количество текстов, воссоздающих картину ордынского нашествия, создало своего рода лауну, появилась возможность или порой даже необходимость создать, дописать эту речь, даже не столько для того, чтобы индивидуализировать Батыя, сколько для того, чтобы охарактеризовать тех, кто вынужденно вступал с ним в контакт, показать древнерусского человека (князя или воина), находящегося в конфликте с абсолютным злом. Именно эти лауны давали возможность создать образ «легендарного» Батыя.

Список литературы

Исследования

- 1 Андреева Е.А. От первого лица: речи Батыя как отражение этноконфессионального противостояния в «Повести о разорении Рязани Батыем» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 24 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова, науч. ред. М.В. Каплун. М.: ИМЛИ РАН, 2025. С. 382–393. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2025-24-382-393>
- 2 Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского [1929] // Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. 5-е изд., доп. Киев: NEXT, 1994. 510 с.
- 3 Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / отв. ред. Я.С. Лурье. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. 592 с.
- 4 Карпов А. Батый. М.: Молодая гвардия, 2011. 347 с. (Серия «Жизнь замечательных людей». Вып. 1315)
- 5 Лихачева О.П. Вступление / Галицко-Волынская летопись // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4961> (дата обращения: 13.10.2025).
- 6 Теоретическая поэтика: понятия и определения. Хрестоматия / авт.-сост. Н.Д. Тамарченко. М.: РГГУ, 2002. 467 с.

Источники

- 7 Волоколамский патерик // Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / изд. подгот. Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников. М.: Наука, 1999. С. 81–106.
- 8 Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / сост. Н.Ф. Котляр, В.Ю. Франчук, А.Г. Плахонин, под ред. Н.Ф. Котляра. СПб.: Алетейя, 2005. 424 с.
- 9 Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4962> (дата обращения: 13.10.2025).
- 10 Плано Карпини Дж. дель. История монгалов. Рубрук Г. де. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло / вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. 460 с. (Серия «Путешествия и путешественники»)
- 11 Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4956> (дата обращения: 05.09.2025).

- 12 *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей / пер. Ю.П. Верховского, примеч. Ю.П. Верховского, Б.И. Панкратова, под ред. И.П. Петрушевского. М.; Л.: АН СССР, 1960. Т. 2. 253 с. URL: <https://djvu.online/file/n9RhnvVJu3zKV?ysclid=mjafzaeafe3338469> (дата обращения: 15.10.2025).
- 13 Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4957> (дата обращения: 17.10.2025).
- 14 *Сплитский Ф.* История архиепископов Салоны и Сплита / вступ. ст., пер. и коммент. О.А. Акимовой. М.: Индрик, 1997. 320 с.
- 15 Юань-ши (Официальная хроника династии Юань). Основные записи. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIV/1360-1380/Yuan_si_II/frametext1.htm (дата обращения: 15.11.2025).

References

- 1 Andreeva, E.A. "Ot pervogo litsa: rechi Batyia kak otrazhenie etnokonfessional'nogo protivostoianiia v 'Povesti o razorenii Riazani Batyem'" ["Batu's Speeches as a Reflection of the Ethno-Confessional Confrontation in the 'Tale of the Destruction of Ryazan by Batu'"]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 24. Ed.-in-chief O.A. Tufanova, sci. ed. M.V. Kaplun. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 382–393.
<https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2025-24-382-393> (In Russ.)
- 2 Bakhtin, M.M. "Problemy tvorchestva Dostoevskogo [1929]" ["Problems of Dostoevsky's Creativity [1929]"]. Bakhtin, M.M. *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Creativity]. 5th ed., rev. Kiev, NEXT Publ., 1994. 510 p. (In Russ.)
- 3 Lur'e, Ia.S., editor. *Istoki russkoi belletristiki: Vozniknovenie zhanrov siuzhetnogo povestvovaniia v drevnerusskoi literature* [The Origins of Russian Fiction: The Emergence of Narrative Genres in Old Russian Literature]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1970. 592 p. (In Russ.)
- 4 Karpov, A. *Baty* [Batu Khan]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2011. 347 p. (In Russ.)
- 5 Likhacheva, O.P. "Vstuplenie. Galitsko-Volynskaia letopis'" ["Introduction. Galician-Volyn Chronicle"], text prep., trans. and comm. by O.P. Likhacheva. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of Old Russian Literature], ed. by D.S. Likhachev, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev, and N.V. Ponyrko, vol. 5: XIII vek [13th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4961> (Accessed 13 October 2025). (In Russ.)
- 6 *Teoreticheskaia poetika: poniatiia i opredeleniia. Khrestomatiia* [Theoretical Poetics: Concepts and Definitions. Anthology], comp. by N.D. Tamarchenko. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2002. 467 p. (In Russ.)